

А. Г. АСМОЛОВ,
*заведующий кафедрой психологии личности Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент
Российской Академии образования, доктор психологических наук, профессор*

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

В наше время перемены охватывают все. Встает вопрос: что же стабильно в наше время? Стабильна нестабильность нашего времени. На Востоке, если хотели человеку пожелать каких-то трудностей, говорили: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен». По сути дела это полностью относится к нашему времени и российскому образованию. В своем докладе я постараюсь осветить ключевые моменты, которые поясняют, почему мы говорим не «образование внутри образования», а «образование внутри культуры, социума и более широких систем».

Конечно, мы, специалисты в области образования, обсуждая свои вопросы, скорее найдем общий язык, но даже в этом случае может возникнуть эффект Вавилонской башни. Что же происходит, когда мы свои идеи, представ-

ления, концепты пытаемся представить обществу? От этого разговора, который носит часто жреческий характер, когда служители культа говорят о святом, а все остальные в храм не допущены, возникает огромное количество сложностей. Поэтому я сегодня хотел бы обсудить особый аспект линии развития стандартов, которые создавались моим коллегой и соратником Александром Михайловичем Кондаковым вместе с Олегом Ермолаевичем Лебедевым и еще рядом других наших исследователей. Этот аспект следующий: «Образование как социальный институт формирования гражданской идентичности личности. Консолидация, доверие и взаимопонимание в российском обществе». Еще раз делаю акцент на том, что мы впервые рассматриваем образование не как информационный процесс,

а как один из ведущих институтов социализации в обществе. При этом я опираюсь на слова моего учителя Алексея Николаевича Леонтьева, известного психолога, который в разговоре с другим моим учителем и названным старшим братом Владимиром Тендряковым обронил следующую фразу: «В чем беда образования XX века? Главный его кризис в том, что это процесс обнищания души при обогащении информацией».

Вдумайтесь в эти слова: образование как «процесс обнищания души при обогащении информацией». Цитируя своего учителя, я хотел бы сказать, что он часто оказывался вне рамок рассмотрения многих подходов. Сегодня возникает огромное количество рисков в образовании. Вы все помните старую формулу, что над людьми надо ставить эксперименты по возможности с их согласия. Но те социальные эксперименты, которые все время ставятся в нашем обществе, называют не словом «эксперимент», а другим термином — «реформа». Мы постоянно реформируемся. Реформа — это, как говорится, закрытие слова «эксперимент».

Какие этапы прошло наше образование? Первый этап — после социальных изменений — период «стабилизации образования». То есть начиная с 1990-х годов мы с вами «стабилизировались». Второй период назывался «развитие образования, реформирование образования». После реформирования мы должны были пойти по пути «развития образования». Но без ценностных ориентиров общества развитие невозможно. И поэтому, чтобы не «развиваться», мы решили «модернизироваться». Итак, мы стабилизировались, реформировались, кратковременно развивались, а сегодня модернизируемся.

Переходя от одного этапа к другому, мы упустили ключевые в этих сценариях эффекты образования и не могли с ними пробиться к жизни, к сознанию. Что это за эффекты? Первый эффект образования, который мы не учитываем и о котором я буду говорить специально в контексте линии стандартов, — эффект формирования гражданской идентичности в нашем обществе. Если мы во всех наших реформах не поймем, что образование — это не услуга, а процесс социализации, и ключевым феноменом этого процесса является формирование гражданской идентичности, то мы не увидим ценностной линии образования, не поймем его как нравственный императив, как сказал бы Кант, как аксиологический ценностный императив.

Второй эффект образования — поиск солидарности граждан в многоконфессиональ-

ном и многонациональном российском обществе. Образование по своей сути, что недооценивается политиками, это то, что может способствовать солидарности, а не разлому, согласию, а не конфликту. Эта роль для нас невероятно важна.

Наконец, третий эффект — доверие и взаимопонимание различных личностей и социальных групп. Мы так затерли слова «доверие» и «понимание», что не учитываем когнитивного подхода, но без понимания ничего не получится. Эти коммуникативные моменты, обуславливающие согласие и понимание, невероятно важны при анализе образования как системы. В связи с этим мы должны очень четко понять, что лежит в основе нашей новой стратегии разработки стандарта образования как института социализации.

Первый тезис: понимание того, что образование есть приобщение нового поколения детей, подростков и молодежи к ведущим ценностям отечественной и мировой культуры, что образование — это формирование гражданской идентичности личности и духовной солидарности общества. При всей своей кажущейся, казалось бы, ясности данный тезис очень часто не понимается.

Второй тезис, на котором основывается наша разработка стандартов образования: образование — это овладение универсальными способами принятия решений в различных социальных и жизненных ситуациях. Обратите внимание, я говорю «универсальные вещи, универсальные способы принятия решений», а не «знания, умения, навыки». Это не снимает проблему знаний, умений и навыков. Но в нашем изменяющемся мире мы должны, по сути дела, перейти к универсальным способам, а от них уже к особым действиям, связанным со специальными областями знаний.

И, наконец, третий тезис: образование — это снижение вероятности рисков социальной дезадаптации и нарушения здоровья подрастающего поколения.

Учитывая вышеперечисленные моменты, при разработке стандартов мы отмечаем следующие ориентиры: первое — выделение ценностных установок образования как института социализации личности, отображающих требования к образованию семьи, общества и государства. Какие ценностные установки мы должны выработать в процессе социализации? Что за этим скрывается? Как сказал Макс Вебер, за этим стоит представление об идеальном типе личности, в выработке которого должно участвовать образование. Пока у нас нет представления об идеальном

типе личности, мы с вами не понимаем, куда идем. Даниил Борисович Иконин говорил о том, что когда с образования спрашивают за все беды общества, надо понять, что общество должно знать, куда двигаться. Надо иметь образ будущего, только тогда образование может нести функцию воспитания. В этой ситуации хочу обратить внимание на следующее. Сегодня, когда мы не видим ценностных ориентиров образования и не эксплицируем их, возникает очень сложная ситуация.

Образование сегодня — не единственный институт социализации личности, поэтому мы говорим о необходимости стандарта. Кто с нами станет конкурировать? В информационную эпоху после перехода от индустриального общества к постиндустриальному главным институтом образования и социализации являются средства массовой информации, а теперь еще и коммуникации.

Сегодня СМИ — это институт развития личности или ее деградации, это институт лепки, формирования многих ценностных установок, позиций. Сегодня тургеневский эпистолярный жанр исчез, но через SMS мы опять возвращаемся, хотя и в совершенно ином виде, к этому феномену культуры. По сути дела получается очень интересная, совершенно другая форма культуры общения. Один из моих коллег как-то проанализировал, сколько сцен насилия за минуту возникает на экранах наших телевизоров, газет, радио. *Одна за другой:* чем больше насилия, тем притягательнее. Это уже не просто «желтая» пресса. Это — политика государства. Например, на федеральную программу «Образование» в России сегодня выделяется около 6 млрд рублей, а на телевидение — 60–80 млрд рублей. Разница очевидна. Анализ роли конкурирующего института социализации для нас невероятно важен.

Второй институт социализации, который сегодня переживает кризис, — институт семьи. Какова эволюция семьи? Всем известен сегодня феномен социального сиротства, понятие неполной семьи и матери-одиночки — их становится все больше и больше.

Следующий институт, который конкурирует сегодня с образованием, и поэтому мы говорим о стандарте как согласии, — институт религии. Сегодня институт религии играет несоизмеримо большую роль, чем раньше, у нас идет массовая религиозизация населения страны. По сути дела, религия начинает задавать пример во всем. С этим связано огромное количество проблем и споров. Так, пять лет назад была попытка ввести в школах России курс «Основы православной куль-

туры». Когда мы обсуждали данные вопросы, мне позвонил муфтий из Казани и сказал: «Что это там в Москве позволяют вводить в курс школьной программы основы православной культуры? Что за безобразие?». Я говорю: «Знаете, мы будем обсуждать вопросы, касающиеся православной культуры и ислама». Ответ я получил гениальный: «С исламом мы в Казани сами разберемся». То есть ситуация: в школе один ребенок исповедует ислам, другой — ламаизм, буддизм, третий — православие и т. д. Как же быть преподавателю? Принцип светскости образования — на самом деле защита от конфликтогенности. Сегодня религия считает возможным задавать социальный сценарий развития личности. Сегодня это реальность.

Вот четыре института — СМИ, семья, религия и образование, которые находятся сегодня в конкурентном поле. И когда мы вырабатываем стандарт, то должны понимать это конкурентное поле. Обсуждая данные институты и их эффекты образования, мы предлагаем обозначить ведущую цель образования.

Целью образования является мотивация к обучению и обновлению компетентности. Почему об этом сегодня идет речь? Вспомните Козьму Пруткову, его строки сегодня становятся все актуальнее: «Нельзя объять необъятное». А мы школу превращаем в скопление всего. Появилась экология — география, подвинься, появился другой предмет — подвинься и т. д. По сути каждый новый предмет ведет себя как кукушонок, который вытаскивает других «птенцов» из «гнезда» школьных знаний. Поэтому я убежден, что задача школы в изменяющемся мире — это прежде всего научить учиться. Но без мотивации ничего не получится.

Лев Семенович Выготский в свое время писал о ребенке 1930-х годов: «Наш ребенок бы знал и умел, и мог, но его беда в том, что он прежде всего не хочет», что актуально и сейчас. Поэтому мы хотим создать стандарт, который бы обеспечил интерес ребенка к обучению. Вспомним библейскую притчу о том, что есть два пути: первый — дать рыбу голодному, второй — научить ловить ее. По сути, это может стать эпиграфом к тому, что делает наша группа.

Все вокруг меняется, и мы должны обладать как базовой компетентностью, так и возможностью впитывать новые и новые культуры, обосновывая компетенции. Мы говорим не о минимуме, а о необходимых и достаточных знаниях для перехода на следующую ступень образования.

Итак, после определения цели образования в новой доктрине стандарта мы предлагаем понимание стандартов как *конвенциональных норм*. Об этом мы говорим впервые. Понятие «стандарт» обычно воспринимается как мера весов, длины и тому подобного, то есть как физический стандарт. Сразу же происходит и «акклиматизация» стандарта, его натурализация. Он есть как цвет глаз, волос. Поэтому я ввожу понятие «конвенциональной нормы», стандарта особой нормы — нормы договоренности, согласия, обеспечивающей доступность образования, его эффективность, его качество.

Эта норма, во-первых, обеспечивает доступность качества и эффективности образования и фиксирует следующее: требования к результатам образования, набор образовательных областей, объем нагрузки на различных уровнях и ступенях образования, сроки обучения, структуру примерных образовательных программ, процедуру контроля за образовательными достижениями.

Эти моменты я выделяю с достаточной степенью жесткости и говорю: нет стандартов школьного образования, есть *стандарт* школьного образования. Мы должны в этом стандарте задать только набор образовательных областей, а не страдать предметоцентризмом. Какие образовательные области? Природа в начальной школе и т. д. Мы должны четко задать стандарты, за которые отвечаем на федеральном уровне, чтобы они были в каждой школе, и не более того. То есть дать не конкретное содержание, а общий набор образовательных областей. В Думе не должны обсуждать, включать Куликовскую битву в программу или нет. Примерные образовательные программы — это вопросы образовательно-профессионального сообщества, а вот набор образовательных областей для всей России на разных ступенях и уровнях образования должен быть четко задан на президентском, государственном уровне.

Наконец, еще один момент, за который меня коллеги критиковали. Я сказал, что буду просить не допускать академиков РАН обсуждать образовательный стандарт в России. Поясню свою позицию. Ученые разрабатывают свои области, их дело — открывать, исследовать; у них нет установки на передачу знаний как целостного образа мира. Когда мы выдаем на экспертизу наши программы, любой биолог скажет: «Да мы же открыли прыгающий ген! почему в программу обучения 6-го класса не включен прыгающий ген?!». Да, это современная наука. Но как этот прыгающий ген впишется в программу?

Поэтому мы говорим — только набор образовательных областей, а дальше примерные программы — дело уже педагогического сообщества. Это совершенно иной подход, но стандарт один.

Структура примерных образовательных программ: все программы должны строиться как система образовательной деятельности.

Сроки обучения: государство задает — одиннадцать, девять ли лет, но это решает государство и это входит в стандарт. Стоило бы сейчас ввести 12-летнее общее образование, но при этом мы столкнем институт армии с институтом школы.

Объем нагрузки: наши дети переутомлены образованием. У нас перегрузки в школе. Я устал от этой некорректной постановки вопроса. Час жизни Гоголя отличается от часа жизни Акакия Акакиевича. Физический час — это одно, а психологический час — совсем другое. Если передо мной выступает учитель, который блестяще дает знания, — это одна секунда. Знаменитые СанПиНы составлялись без учета мотивации ребенка, целей и, как говорил гениальный физиолог Томский, доминанты. Поэтому вопросы распределения нагрузки без проблем мотивации не будут решаться.

И наконец, процедуры контроля. Когда мы «бьем», как в свое время писал один известный педагог, ребенка оценками, мы его забиваем. Очень опасно, когда школа рождает комплекс неуспешного человека. Неуспешный человек — это несчастный человек. Следовательно, вопрос о контроле знаний, академических достижений — очень важен. И как любой контроль, как любая диагностика, он должен быть проведен гуманистическими методами. Без контроля, конечно, нельзя. Но нам нужен контроль не процесса, а результата достижений. Мы вводим ЕГЭ по всей России, но ЕГЭ — это единый экзамен, а не единственный. Олимпиады — отличная форма контроля знаний, например.

Все это говорит о новом понимании образовательных стандартов.

Новое понимание стандартов связано с разработкой системы универсальных познавательных действий, с общими особенностями культуры мышления человека, а учебные образовательные действия — с областями знаний: физикой, химией и т. д. По сути дела мы учим действовать, а не только запоминать и т. п. Когда мы рассказываем об этом подходе, нас спрашивают: «А как же компетентностный подход?»

Компетентностный подход — частный случай системно-деятельностного подхода. Что

такое компетентность? Это знание в действии. По сути, отрывать компетенции от той структуры деятельности, в которой они возникают, это нонсенс.

В данной работе я попытался обозначить лишь некоторые контуры стандартов, уводящих от понимания стандартов как минимума знаний к совершенно иной парадигме нового поколения стандартов. Конечно, здесь по-прежнему вопросов намного больше, чем уже полученных ответов. Но если мы не выделим присущий нашей культуре набор «джентльменских» дисциплин для каждого уровня обучения, то еще долго будем топтаться на месте. В контексте социализации стандарт выступает, по сути дела, как ген образовательного поведения. Стандарт не может быть рассмотрен в контексте вариативности образования, потому что вариативность — наличие разных траекторий индивидуального развития — основа для реализации личности.

К сожалению, по данной теме нет еще специальной литературы. Пока все это — лишь общие диалоги, над которыми мы уже год работаем. Вышла только небольшая книга «Стандарт общего образования на пути к общественному договору».

Может показаться, что наша концепция стандартов несколько страдает излишней социологизацией. Но образование — это не только институт социализации, но и способ социокультурного воспроизводства нации, собственной культуры. И когда я говорю о социализации, то прежде всего имею в виду, вслед за Выготским, процесс интеграции как приобщения к культуре. И в данном случае социализация не сводится в буквальном смысле к трактовкам Пиаже или Дюркгейма. Наши наработки находятся в рамках культурно-исторической и культурно-деятельностной концепций. Это линия Выготского, Леонтьева, Лурье, а не компетентностный подход или узкая трактовка социализации как обобществления. Как один из ключевых моментов социализация включает культурогенез. Без культурогенеза социогенеза в нашем понимании не существует.

Что касается приоритета задач воспитания, то одной из важнейших является здоровье учащихся. Когда мы рассматриваем социализацию как культурный процесс, то в этом социокультурном процессе имеем дело с ценностными нормами здоровья. Не случайно одной из причинных линий разработки стандарта является снижение рисков, дезадаптации подрастающего поколения при нарушении различных форм здоровья. Причем

речь идет не только о физическом здоровье, но и о психическом, а также о социальном здоровье. Поэтому следовать известной формуле Гиппократова «Не навреди» должны не только врачи, но и педагоги. Известно, что есть ряд болезней, возникающих в результате неправильных действий врача, но точно так же существуют и недуги, возникающие как следствие тех или иных неграмотно или некультурно использованных технологий обучения. Поэтому для нас ценностная установка «НЕ навреди» является одним из важнейших ориентиров.

Еще раз хочу повторить, что стандарты — это конвенциональные нормы, которые учитывают разные технологии обучения, но жестко их не задают. Иначе речь пойдет уже о примерных программах, а не о стандарте. Например, вхождение в жизнь новых технологий, с которыми мы не можем не считаться и не учитывать. Сегодня Интернет дает возможность обучаться по разным специальностям, и разработчиками стандартов, конечно, учитывается возможность учащегося учиться сразу в нескольких учебных заведениях. Это вопрос организации обучения. Мы говорим о необходимости виртуальной школы, о необходимости сетевого сообщества учителей, о сетевом обучении и илионинге как о нормальном направлении обучения в современном мире, о новых мобильных технологиях. В стандартах, например, можно предусмотреть позицию, которая обязывала бы в разных образовательных программах в школах объединять свое отношение к обучению в других учебных заведениях, учитывая результаты, полученные при параллельном обучении в других учебных заведениях. Надо расширять возможности выбора образовательных программ, разных форм организации, потому что урок в привычном его понимании перестает быть сегодня единственной формой обучения.

Конечно, всегда существует риск, что формирование общероссийской гражданской идентичности превратится в формирование республиканской идентичности, а функция консолидации системы образования, которая сейчас реализуется весьма слабо, превратится в сепаратистскую. Пример ислама в этом случае — очень яркий.

Но здесь надо четко понимать: формирование гражданской идентичности как ценностной установки образования — это задача государства Российского, а не отдельных его регионов. Никто не делегирует регионам такие ключевые вещи, как формирование гражданской идентичности, ценностного портрета,

ценностных параметров социализации, процесса окультуривания личности. Все эти моменты, безусловно, должны быть заложены на федеральном уровне. Дать набор примерных программ образования — задача федерального уровня, хотя никто, конечно, не устраняет региональный компонент полностью.

Министерством образования подготовлен проект изменения содержания и структуры Государственного образовательного стандарта, сейчас он широко обсуждается в Госдуме. Этот проект разрабатывается группой Калиты, с которой мы сотрудничаем. Поэтому без обсуждения с нами данный проект не будет реализован. Разумеется, риск всегда есть:

может выпрыгнуть, как джинн из бутылки, какой-то документ, которого никто не видел, и «залечь» в Думе.

Судя по всему, новый стандарт вообще будет в другом понимании. Но это зона федеральной ответственности. Давайте говорить не о компонентности, а о наборе дисциплин, сроках обучения, содержании примерных программ — все это остается в стандарте. На нормативном уровне речь может идти о том, что региональный компонент должен соответствовать общим целям образования, чтобы не было выхода за эти рамки, чтобы региональный компонент не стал средством отрицания общих целей.